

Иннокентий Анненский

Античная трагедия

Иннокентий Анненский
Античная трагедия

«Public Domain»

1902

Анненский И. Ф.

Античная трагедия / И. Ф. Анненский — «Public Domain», 1902

«Жаркий август, и час дня. По пыльным улицам и скучным бульварам, среди безобразных вывесок и реклам торгового рода один за другим катятся легкие экипажи. Быстро скользят вагоны электрического трама, где площадки пестреют от лент и цветов на дамских шляпах, и группами, все в одну сторону, идут оживленные люди с биноклями, а местами все это нарядное движение скрещивается с другим, совершенно на него не похожим; пыля и громокая, тянутся вереницы тяжело нагруженных платформ...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иннокентий Федорович Анненский

Античная трагедия

I

Жаркий август, и час дня. По пыльным улицам и скучным бульварам, среди безобразных вывесок и реклам торгового рода один за другим катятся легкие экипажи. Быстро скользят вагоны электрического трама, где площадки пестреют от лент и цветов на дамских шляпах, и группами, все в одну сторону, идут оживленные люди с биноклями, а местами все это нарядное движение скрещивается с другим, совершенно на него не похожим; пыль и громыхая, тянутся вереницы тяжело нагруженных платформ.

Неимоверной величины першероны, потные от солнца, усилий и войлочных подушек, везут горы бочек, и около них идут пыльные и жаркие люди, у которых лица стали бронзовыми.

Мы в центре французского виноделия, в Безье, в каком-нибудь часе езды от Средиземного моря и старой греческой Агды. Через несколько дней в серых полях, пыльной и скучной пеленою лежащих вокруг города, начнется сбор винограда, и перед нами теперь развертываются две стороны кумирслужения Дионису. Через полчаса эти праздничные группы разместятся в открытом театре Арен, который устроен по образцу античного, и там парижские актеры будут играть «Прометея»; что касается до бронзовых людей с бочками, то они везут дар Диониса, вино, на увеселение того старого сатира, который носить громкое имя человечества.

Подвигаясь за толпой, я невольно начинаю думать о времени, когда обе стороны Дионисова культа не были еще так разобщены, и мне хочется представить себе совсем иную картину. Март в Афинах, т. е. полный расцвет южной весны, той весны, когда по выражению Пиндара, «возрождается жизнь, когда на бессмертной земле гущей разрослись фиалки и розы, чтобы, сплетаясь, венчать людей»¹. Гавань полна кораблей, а улицы пышных посольств с дарами для города, на который с благоговением и завистью смотрит вся Эллада.

Сегодня первый день праздника городских Дионисий, и весь город на улице. Вот и процессия. Ее открывает сам Эпоним, первое лицо города и хозяин праздника, за ним сановники, жрецы. В густой толпе, среди целой тысячи молодых людей в коротких хламидах с блестящими копьями и легкими щитами высоко над ними движется старая, наивная деревянная статуя Диониса, дорогой символ всего эллинского мира, а в процессии за статуей выделяется своей красотой и свежестью группа канефор²: это знатные девушки в белом, которые в золотых корзинах несут первые весенние плоды. Но, кажется, наряднее всех в процессии хорегии, т. е. те афинские граждане, которым выпал жребий в этом году ставить драмы на театре, и хор из афинских граждан, который их сопровождает. Гиматии³ их отливают золотом вышивок и пурпуром или шафраном ткани, а волосы прижаты золотыми венками, в которых играют лучи мартовского солнца. Через два дня люди, составляющие эту процессию, будут в театре, на священной земле Диониса, где не только актер или хорист, но и всякий зритель будет находиться под защитой бога, столь же неприкосновенный, как на ступенях Зевсова алтаря.

Мы же покуда дошли за толпой до арен Безье. Вернемся к впечатлениям действительности. Огромный, слабо защищенный от солнца амфитеатр. Места идут широкими ступенями. Они переполнены пестрой толпой, которая на несколько минут поглощает все наше внимание.

¹ Цитируется «Дифирамб афинянам», написанный для весеннего праздника Больших Дионисий, вероятно, в переводе самого Анненского.

² Канефор – участник процессии в честь Деметры или Диониса, несущий на голове корзину с жертвенными дарами.

³ Гиматий – накидка, плащ.

Тут, пожалуй, тысяч 8 человек. На самой арене, где в другие дни происходит бой быков, теперь расположилось три оркестра музыкантов, а над ними высится характерная голова Faugê известная всему миру по портрету Сарджента. Вот и сцена. Декорация представляет дикие скалы, изрезанные ущельями и потоком. Особенно хорош задний план сцены – совсем воздушный. Горы идут до самого горизонта, где они сливаются с настоящим синим небом. В нем с утра ходят белые облачка, по временам наводя тень на всю эту небывалую, дивно-красивую картину, но они никого не пугают, потому что ветер не с моря. Чу... первые звуки оркестра. Вам казалось по его размерам (я насчитал 21 арфу, но не мог сосчитать скрипок), что он оглушит вас, и вы несколько разочарованы. Ветер разносит звуки, зной расслабляет струны. Занавеса, конечно, нет, а кулисы заменяются горными проходами. Французы пошли в этом отношении дальше древних греков, у которых хоть над сценой был навес...

Вот и начало представления. На сцену сбегает хор: мужчины и женщины. Первое впечатление прямо сказочное. На фоне голубого неба и пепельных гор одна за другой слагаясь в причудливые живые сочетания, набегают золотистые краски легких шелковых туник, синих, розовых, желтых, крем, которые книзу кажутся гуще. Вот картина дорисовалась. На несколько минут вы целиком захвачены ее свежестью: вам кажется, что перед вами ожила и развернулась одна из венецианских фресок. Вы невольно ждете такого же яркого, такого же свежего аккорда звуков, но с первых же тактов хора, разочарованы. Гармония не захватывает, она не покоряет вас, и скоро ухо начинает мучительно завидовать глазу. Вы понимаете теперь, почему театральная музыка греков требовала иллюстрации в виде мимики и балета, и почему на древней эллинской оркестре царила не арфа, а кларнет и литавры. Но вот и сам Прометей. По наружности это настоящий сценический титан, гордый, таинственный, прекрасный. Ветер кружит его желтый плащ и темную гриву волос. Пьесы собственно нет. Есть интересные лирические места, монологи прекрасно декламируются, много красоты в стихах, положениях, позы пластичны, но сильное чувство негодования, жалости, ужаса и удивления ни на минуту не охватывает вас. Авторы французской переделки сделали из самой загадочной и величественной трагедии древности, где действующими лицами были только боги, эффектный спектакль, – и только. Самая красота поэзии не похожа на античную. Например, страшная рана Прометея, которому коршун в течение целых веков непрерывно разрывает его вечно нарастающую печень, изображена в следующих звучных стихах:

Plus mûr et plus saignant que le raisin des treilles
Que dévore en automne un lourd essaim d'abeilles,
Et puis qu'achevera le bec d'oiseaux pillards,
Un dieu vivant, la chair et les membres epars⁴.

Не чувствуете ли вы, что живописное сравнение разорванной раны титана с красным виноградом трельяжа, добычей пчел и птиц, в действительности ужасно? Оно не только не смягчает представления о ране, но, напротив, переносит представление грязной раны в красивую картину трельяжа⁵. Я не буду детально разбирать французского Прометея. Меня интересует пока самый спектакль.

Ветер, который делает такие красивые складки и покоряется такими красивыми жестами, скоро надоедает вам. Он мешает слушать. Вот вы уловили у Прометея хриплую ноту, – и вы чувствуете, что к борьбе титана с Зевсом примешивается другая, едва ли не более для него трудная, с ветром, Кроме того, через какие-нибудь полчаса вы осязательно замечаете, что вам

⁴ Спелее и кровотоочивее, чем виноград трельяжа, который по осени пожирается тяжелым роем пчел и приканчивается клювом пернатых хищников, бог еще живой, с растерзанным телом.

⁵ Тонкая решетка для вьющихся растений, увитая ими.

чего-то недостает. Как ни живописны, как ни красивы фигуры, которые движутся, говорят и поют на сцене, для глаза это все же только деталь того, что вас окружает, деталь амфитеатра. Недостает того исключительного, того таинственного четырехугольника, который так властно приковывает глаз к сцене в нашем закрытом театре. Есть еще причина дающей себя под конец знать... скуки. Действие перед вами не движется, и вся красота музыки, поэзии, игры не может выкупить этого основного сценического недочета. Дело в том, что сцена с начала до конца лирической трагедии освещена одинаково. Два часа не дают вам иллюзии драматических суток с разнообразием светил и теней и смены настроений. Положим, у греков этого тоже не было, но в том-то и дело, что у нас ведь это есть, и уже давно.

Что же такое античная трагедия? Вместо отвлеченных определений обратимся лучше всего к той самой пьесе, которую копировали парижане в Безье.

Прошло уже гораздо более полувека от начала трагических состязаний, т. е. театра, когда в один из мартовских дней на афинскую сцену поставили двух эсхиловских Прометеев: Прикованного и Освобожденного. До нас дошел только Прикованный. Драма начинается с того, что на сцену с навесом и грубой декорацией горного пейзажа выходит три актера и один статист. Актеры изображают: титана Прометея, бога подземного огня Гефеста, и другого бога, Кратоса – силу. Статист играет безмолвную роль бога Насилия. Три бога приходят от своего нового повелителя, Зевса, который только что, после упорной борьбы, получил власть над миром. Зевс велел им приковать Прометея к пустынной скале Кавказа за то, что этот титан, похитив божественный огонь, передал его людям, вместе с начатками науки, искусства и религии. Прометей значит Провидец: действительно, этот бог обладает ценными тайнами и в том числе такими, которых не знает сам Зевс, хотя они прямо его касаются, и новый царь не даром боится своего недавнего помощника.

Судьба сделала Зевса сильнее Прометея, а Прометея мудрей Зевса, по крайней мере, старой мудростью тайн и откровений, и в этом лежит основание их трагической коллизии. В драме, как в жизни, сила рук торжествует над силой ума, но сострадание, ужас и негодование, которые вспыхивают в зрителях перед зрелищем неравной борьбы и мук, поднятых титаном ради блага людей, невольно дают Прометею нравственный перевес над Зевсом.

Первая сцена превосходна. Титан не произносит ни одного слова, пока Гефест против собственной воли, под давлением жестокого и прямолинейного Кратоса, с расстановкой и фатальной артистичностью, из которой зрители, конечно, не теряли ни одной детали, вгоняет гвоздь за гвоздем в тело бога и налагает на него цепь за цепью.

Кому бы как не Гефесту, кажется, было мстить титану за похищение его стихии – огня? А между тем, этот бог тяготится своей ролью: он помнит об узах родства и дружбы. Воля Зевса, наоборот, символизирует совершенно новый миропорядок, и этот миропорядок только ярче выступает на вид по контрасту с сожалением божественного кузнеца. Целых три характера выпукло выступают перед нами в этой первой и короткой сцене. Сам титан обрисовывается словами других и собственным молчанием. Только оставшись один, Прометей обращает жалобы к эфиру, облакам, источникам, ко всему, что молча его окружает. Это злые и гордые жалобы. Титан не ищет помощи или сострадания: он взывает, к свидетелям неправды. Гордость его не допускает и мысли о том, чтобы он, Прометей, был осилён хитростью, и он говорит, что заранее, когда спасал людей от Зевса, он уже знал о своей участи. Но вот прикованному слышится невнятный шум крыльев, до него долетает какое-то слабое дуновение, признак жизни. Одна мысль о приближении живого существа невыносима для униженного бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.